

Частный детектив
Татьяна Ивановна

МАРИНА СЕРОВА

Тройная
мечь

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Тройная месть

«Научная книга»

Серова М. С.

Тройная месть / М. С. Серова — «Научная книга», — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Среди бела дня в центре города прямо на ступенях университета убита юная студентка, случайно оказавшаяся рядом с боссом крупного предприятия. Руководитель службы охраны Медик уверен: объектом киллера был его хозяин, а не погибшая девушка, и нанимает частного детектива Татьяну Иванову. У него есть подозрение, что кто-то спешит занять место шефа. Татьяна в ходе расследования поняв, насколько клиент заблуждается, начинает отрабатывать другие версии. И, в конце концов, выходит на преступника, в котором Медик узнает своего давнего лютого врага...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Тройная месть

Глава 1

Когда жарким июньским утром зазвонил телефон, я блаженствовала под освежающе-бодрящими струями воды, смывая с себя неприятные воспоминания о нестерпимо душной ночи, поэтому не сразу ответила на звонок. Между прочим, он был весьма кстати: деньги кончились, и начала одолевать смертельная скука, которую лучше всего развеивать с помощью острых ощущений. Удивительно то, что, пока я продолжала наслаждаться нежной прохладой чуть теплой воды, навязчивое дребезжание телефона не прекращалось, складывалось впечатление, что звонившему точно известно, что я дома. «Ага, – радостно подумала, закутываясь в благоухающее „ленором“ полотенце, – кому-то очень нужна, просто позарез. Вот и отлично». Наконец я подошла к аппарату и с энтузиазмом заявила:

– Добрый день, чем могу помочь?

Однако хриплый маловыразительный голос быстро заставил меня сникнуть. Рубленые фразы абонента, не особо мудрствующего над подбором слов и выражений, недвусмысленно давали понять, с кем на этот раз мне представляется возможность поработать.

– Алло, Иванова?

– Да.

– У нас для тебя дело. Пятьсот баксов в день – интересуется?

– Интересует.

– Приступить надо сегодня. Через час у твоего подъезда в «БМВ», понял?

– Хорошо, – машинально обронила я, ошарашенная безапелляционным наездом на том конце провода.

«Вот это типчик – ни здарсьте тебе, ни до свидания», – начала было размышлять я, все еще держа в руках телефонную трубку. Наконец ее заунывное пиканье стало раздражать меня, и я запоздало возмутилась: зачем, собственно говоря, согласилась на эту встречу, хотя пятьсот баксов – достаточно высокий тариф, пожалуй, оправдывающий и грубость, и риск, и прочие неудобства. Интересно, что ж там стряслось, ведь *эти ребята* за здорово живешь денег на ветер не бросают. Вроде бы никаких громких убийств не было, последнее время все шло как будто гладко. Правда, иногда тишина бывает обманчивой. Итак, времени у меня было еще достаточно, я пошла за костями – только они могли прояснить ситуацию. Встряхнула мешочек, и кости выпали из него, продемонстрировав мне еще раз свою проницательность: 26+7+14 – ожидаются переживания, связанные с вашим согласием участвовать в деле, от которого вы не ждете ничего хорошего.

«Ну замечательно – прямо в точку», – улыбнулась я. Потом собрала кости, зажала их в кулак и, мысленно прокручивая самый важный на данный момент вопрос: «Что меня ждет?», метнула снова. Два заветных кубика, стукнувшись об стол, тут же остановились, а третий быстро покатился к краю, я подставила ладони, чтобы поймать слишком «шустрого», но он неожиданно замер, свесившись приблизительно на треть с края стола, – редкий случай.

11+20+27 – комбинация обещала мне новые яркие впечатления. Не так уж плохо, как можно было ожидать.

Я решила, что оденусь скромно, но со вкусом. Однако, критически осмотрев свой гардеробчик, напялила на себя старенький джинсовый сарафан и оранжевую футболку. Повертевшись перед зеркалом, протянула было руку к косметичке, но, вовремя одумавшись, пару раз махнула массажной щеткой и быстро направилась к входной двери.

Из подъезда я вышла на двадцать минут раньше назначенного срока, но новенький, ослепительно сверкавший на солнце тонированными стеклами «БМВ», цвета мокрого асфальта, уже стоял на условленном месте. Передняя дверца тут же приоткрылась, приглашая меня в уютный салон дорогого автомобиля.

Внутри работал кондиционер, поток непривычно холодного для такой невыносимой жары воздуха захватил меня врасплох – по телу пробежал легкий озноб, впрочем, быстро сменившийся полной расслабленностью: наверное, так же хорошо дышится где-нибудь на альпийских лугах или у горных озер. Еще одним приятным сюрпризом стало тихое звучание музыки, динамики аудиосистемы чисто воспроизводили старую инструментальную мелодию Фаусто Папетти. Может, это совсем не тот человек, что позвонил мне час назад, но внутренний голос упрямо твердил: не заблуждайся – это именно он. Почти половину лица загадочного типчика закрывали очки с сильно затемненными, как и у машины, стеклами.

– Добрый день, – неожиданно дружелюбно произнес незнакомец.

Теперь невежливо отмолчалась я, поудобней усаживаясь на роскошном сиденье. Приняв как должное мою мелкую мстительность, он спокойно продолжил:

– Я Медик. Заочно вы наверняка знакомы со мной и моим боссом, он довольно значительная личность. Мне рекомендовали вас с самой лучшей стороны абсолютно разные люди, поэтому я и обратился к вам. Уже вижу, что не ошибся – передо мной смелая, умная и деловая женщина.

Последнее прилагательное было подчеркнуто особо. Когда я почувствовала, что таю от ласкающей уши лести, я жестко перехватила инициативу:

– Давайте поконкретней.

Тонкая, едва уловимая улыбка скользнула по губам моего странного собеседника, и он принялся лаконично излагать суть дела. Снова пришлось убедиться, что первое впечатление бывает обманчивым. Внимательно слушая его, я украдкой оглядывала салон шикарной иномарки.

Было чистенько, но не безукоризненно (тончайший серый налет в угловых изгибах передней панели свидетельствовал о том, что пыль протиралась не особенно тщательно, скорее всего ее смахнули одним движением руки) – значит, хозяин авто любит порядок, но не педант; ничего лишнего: ни игрушек, ни картинок, ни каких-либо других украшений я не заметила, хотя налицо было все необходимое – человек дела, а не эмоций, холодный расчет всегда берет верх над чувствами; отсутствие оригинальных вещичек в данном случае, пожалуй, говорило не о заурядности личности, а о желании не выделяться, о некой глубокой затаенности, лучше сказать, законспирированности.

Вообще складывалось впечатление, что у моего клиента было как минимум «два лица», имевших мало общего между собой. Нечто вроде раздвоения личности. «С таким типом надо быть настороже – он непредсказуем, неизвестно, какая из сторон его сложной природы проявится в тот или иной момент», – подсказал богатый жизненный опыт, а мне, поверьте, многое пришлось уже повидать.

История, поведенная мне Медиком, на первый взгляд была банальна:

– 20 мая около полудня босс направлялся к своему лимузину, оставленному у третьего корпуса госуниверситета. Шефа, как всегда, сопровождала охрана, но парни были в довольно расслабленном состоянии: в сторону босса в городе взглянуть косо боялись, а уж о нападении и речи быть, как нам тогда казалось, не могло. Когда босс проходил мимо лестницы, ведущей в восьмой корпус, он обратил внимание на красивую девчонку, спускавшуюся по лестнице. Мужики-телохранители тоже все до одного засмотрелись на красотку, видно – было на что. И вот, когда босс оказался почти рядом с девушкой, вдруг раздался выстрел. Босс среагировал моментально – упал на землю. Охранники тут же вспомнили о своем профессиональном долге и, прикрывая босса собой, повели его к подрулившему лимузину, личный шофер шефа

– не дурак: быстро сообразил что к чему. Больше выстрелов не последовало, а та девчонка, понравившаяся боссу, была убита. Мы почти убеждены, что стреляли не в нее – уж слишком странное совпадение. Да и кому она нужна?!

– Что-нибудь существенное, кроме прелестей молоденькой студенточки, ваша охрана заметила?

– Увы, нет. Я лично потратил на каждого часа по два – в результате получил лишь подробное описание убитой... Это было бы так смешно, когда бы не было так грустно: кто ножки хорошо запомнил, кто глазки, кто губки, кто грудки и т.д. и т.п. – всю эту свору дармоедов в тот же вечер я выгнал взащей...

– Евнухов надо было набирать, – не удержалась я от язвительного комментария.

– Ох и злой у вас язычок, госпожа Иванова, – еле сдержав улыбку, ответил Медик.

– А что, собственно говоря, делал ваш босс в университете? Из студенческого возраста вышел, да и научные проблемы его вряд ли интересуют.

– У босса была важная встреча с ректором мединститута, она к этому происшествию абсолютно никакого отношения не имеет, – сухо ответил Медик, четко давая понять, что обсуждать далее эту тему не собирается.

– Ну, не имеет так не имеет. Тогда расскажите мне, будьте уж так добры, чем же вы занимались те три недели, что прошли с момента убийства?

– Буду, еще как буду добр – мало не покажется, – поддержал он мой игривый тон.

Я узнала следующее.

Конечно, служба безопасности, возглавляемая Медиком, не бездействовала три недели, прошедшие с момента покушения. Они, используя свои методы, пытались докопаться до истоков угрозы.

Первое, что сделал Медик – позвонил менту из уголовки, которому ежемесячно отстеги-вал крупные суммы за получаемую информацию и оказываемые услуги.

Мент подсел к Медиком в машину на перекрестке двух тихих улочек. Проехав пару кварталов, они остановились в глухом тупичке. Разговор начал Медик:

«Нужна вся информация по делу об убийстве студентки в университетском городке. Что-нибудь по этому делу тебе уже известно?»

«Пока ничего конкретного. Знаю только, что следствие поручили старлею Петрову».

«Что за мужик? Может, удастся с ним поработать?»

«Мужик дотошный, но „правильный“, с принципами, – ухмыльнувшись, сказал мент. – На прямой контакт не пойдет».

«Твоя проблема, за это и плачу. Я должен знать все, что всплывет в ходе следствия, все рабочие версии и улики».

«Хочу сразу сказать, хоть Петров вроде и толковый, но дел на нем нераскрытых до фига».

«Мне наплевать, раскроет он это дело или нет, но что станет известно ему – должен узнать и я».

«Понял, завтра в час жди звонка», – он хлопнул дверцей машины и исчез в ближайшем переулке.

* * *

Медик был уверен, что единственной параллельной структурой, более или менее близкой по уровню размаха к ним, была организация молодого криминального авторитета по кличке Дуб. Официально компания называлась «Дублон». Хотя было очевидно, что пока эта группировка оставалась на порядок ниже той, к которой принадлежал Медик. Однако если бы ее лидеры смогли объединиться с кем-то из крупных городских воротил, то у них появился бы реальный шанс потеснить босса Медика.

У Медика был свой человек в «Дублине», надежный мужик. Второе, что счел необходимым сделать Медик после заварушки, – назначил ему стрелку. Сапог, то есть бывший майор КГБ Сапожников, был не последним человеком в своей структуре, ему принадлежало четвертое место, поэтому в серьезные стратегические планы руководителей своей группировки не мог быть не посвящен.

Они встретились, как всегда, за городом, в заранее оговоренном месте – никто не должен был знать об их тесном контакте. Выражение «рука руку моет» как нельзя лучше передавало характер их взаимоотношений.

Невысокий, худощавый Медик смотрелся на фоне рослого, плечистого Сапога младшим братишкой, но разговор у них шел почти на равных, мало того, морально Медик ощущал себя даже несколько увереннее и сильнее своего собеседника.

– Что стряслось, Медик? Откуда такая срочность? – удивленно пробасил Сапог.

– Похоже, ты не в курсе... – пристально глядя в глаза бывшему кагэбэшнику, Медик начал трудный разговор. – Мы ведь с тобой крепко повязаны, крепче некуда...

– О чем говорить! – кивнул «старший брат», всем видом демонстрируя свое стопроцентное согласие с последними словами Медика.

– Может, мне пора сменить хозяина? Как думаешь? – вкрадчиво спросил Медик.

– О чем ты? – Сапог искренне обалдел. – Зачем? Он что – наезжать на тебя начал?

Медик ухмыльнулся:

– Конечно, нет.

– Тогда в чем дело? Теплее места, чем рядом с твоим боссом, не найдешь. Какие проблемы-то?

– Так ты не слышал, что произошло?

– Да нет же, колись быстрее, хорош осла за уши тянуть!

– В босса стреляли...

– ... твою мать, – Сапог произвольным жестом пригладил уже не существующие волосы на лысом темени, что было признаком крайнего волнения. – Вот новость! И как он?

– Все в порядке – не пострадал, даже не царапнуло. Деваху одну грохнули, она рядом случайно оказалась, мгновенно коньки отбросила.

– Ну и хреновина! Кто стрелял-то?

– Я думал, это ты мне скажешь.

– Ты охренел, что ли, Медик?.. – выругался Сапог и сплюнул сквозь зубы. – Я в такое дерьмо в жизни не полезу – не хочу, чтоб мои кишки по веткам сушиться развесили!

– Так кто же это мог?

– Не знаю... Надо быть полным кретином, чтобы пытаться встать на пути твоего босса... Что за говнюки воду баламутят? – возмутился бывший майор.

– Ты знаешь, Сапог, а ведь рано или поздно появляется крутой малый... Я подумал, ваш молодой и рьяный, пошел в атаку, может, с кем из «отцов города» скооперировался?.. Я ведь не против, только про меня не забудь!

– Да нет же, я тебе говорю. Наш Дуб, конечно, мужик рисковый, но не безголовый – он на такую фигню не пошел бы. Да, мы и не готовы: у нас база слабовата, с вашими связями и сетью нам пока не тягаться. Ну, ты же сам все знаешь, что я тебе талдычу?!

– Знаю-знаю, не горячись. Значит, не вы?

– Нет, кто угодно, только не мы, – открестился Сапог, а потом, стукнув себя кулаком в грудь, горячо добавил: – Я бы знал – от тебя не скрыл бы!

– Хорошо, тогда кто?

Сапог надолго задумался. Бывший офицер судорожно рылся в своем «банке данных», он был профессионалом высокого класса, шеф отдела безопасности «Дублина» из него получился отменный – не считаться с его мнением было по меньшей мере глупо.

– Нет, Медик. Никто из известных мне не мог пойти на такую безрассудную х...вину. Говорю тебе, надо быть полным козлом, чтобы такое отмудохать.

– Ладно, Сапог. Если что услышишь, звони немедленно. В любое время.

– Заметано. Я тоже покопаю, мне этот бардак ни к чему. Если какая-нибудь мелкая шушера вымахивается, надо ее на место, к ногтю – на х., а то возомнит из себя, б... – Сапог выматерился с удовольствием, ввернув трехэтажный оборот и вложив в него весь свой эмоциональный накал. – Ты тоже держи меня в курсе, – добавил напоследок.

– Короче, ты со своей стороны пошуруешь, – вздохнул Медик, – а я тоже кое с кем побазарю, есть у меня мелочь разная на крючке...

* * *

Итак, начальники отделов безопасности двух крупнейших мафиозных группировок принялись наводить шухер – торговцы средней руки порядком перетрухнули, для них наступили тяжелые времена.

К Медуку по очереди таскали всех мелких стукачей. На одной из заброшенных новостроек специально оборудовали подвал, который производил на несчастных «гостей» довольно тяжелое впечатление – здесь велись очень крутые разговоры.

Осведомители клялись, что ничего знать не знают, даже предположить не могут, кто настолько обезумел, чтобы на жизнь босса покуситься. Одни дрожали как осиновый лист, другие просто заливались слезами, а третьи отчаянно божились своим здоровьем и здоровьем матери, но все твердили одно и то же, как будто сговорившись.

С одной стороны, это бесило Медика, с другой – радовало, потому что подтверждало его внутреннюю убежденность в том, что никто из конкурентов не посмел бы выступить против его босса.

* * *

Надежда на следственные органы, к сожалению, тоже не оправдалась. Мент, «работавший» на Медика, как в воду глядел – после недели расследования у старшего лейтенанта Петрова не было ни толковых свидетельских показаний, ни улик (за исключением пули, вынутой из груди жертвы), ни подозреваемых.

* * *

В последних числах мая в подвал к Медуку приволокли рябого, заикающегося задохлика. Парень, видать, сопротивлялся и получил несколько сильных ударов в живот. Он часто кашлял и отхаркивал кровью.

– Ну что ты вечно кочевряжишься, Заика? – почти по-доброму спросил Медик. – Какого рожна тебе это надо? Знаешь ведь: все равно придется со мной пооткровенничать!

– Что т-тебе оп-пять от м-меня н-надо? – еле выговорил бедолага.

– Что слышал о последнем инциденте? Не вилай, и никто тебя бить не станет.

– Н-ничего особен-ного н-не слышал.

– А что не особенного слышал? – терпеливо продолжал допрос Медик.

– Н-никто н-на вашего б-босса н-не покушался – д-дураков н-нет!

– Старая песня. Что-нибудь новенькое давай. У тебя ведь в черепушке обязательно какие-нибудь свеженькие идейки припрятаны, – Медик постучал пальцем по грушеобразной голове Заики.

– В-все ч-чужаков м-мучишь, в-вокруг себя п-получше п-посмотри, – успел огрызнуться задохлик, прежде чем новый жестокий приступ кашля заставил его согнуться пополам и низко опустить голову.

Когда он смог снова взглянуть на Медика, все его губы были в крови, а челюсть тряслась, но все же он мужественно продолжил:

– В в-вашей б-банде с-самые м-матерые в-волки...

– Кто? – прошипел Медик.

– Т-ты св-воих л-лучше зн-наешь, – задыхаясь, прохрипел парень.

– Говори, я сказал! – Медик сорвался на крик.

– Н-не зн-наю...

– Тебя сейчас так отделают, что не поднимешься! Говори!

– Н-не д-дурак – зн-нал б-бы ск-казал.

Громила, поддерживавший Заику сзади, отпустил его, чтобы обойти спереди и ударить, но задохлик рухнул на пол и, как ни старался, так и не смог подняться...

Именно Заика заронил в душу Медика семя сомнения, которое чуть позже дало богатые всходы.

* * *

Три недели Медик тщательно прощупывал все каналы и связи, прорабатывая версию конкурентной борьбы за рынок сбыта. Но полученная информация лишь еще раз убедила его, что никто из конкурентов не мог «заварить эту кашу»: у них просто ни сил, ни средств не было, чтобы соперничать с боссом.

Босс стоял на голову выше всех. Они не дотянулись бы до него, даже скооперировавшись между собой или с кем-либо еще из влиятельных фигур. К тому же теперь Медик знал абсолютно точно – никто из высшего круга интереса к их бизнесу пока не проявлял и никаких переговоров за спиной не вел.

Вот тут-то снова Медику пришла в голову неприятная, но весьма правдоподобная мысль: никто извне не может претендовать на нишу, занятую боссом, а ведь внутри их собственной структуры действительно есть сильные личности. Скорее всего в случае безвременной кончины шефа кто-то из них займет его место. Уж не наследники ли торопятся взойти на трон? В этом дерьме Медик твердо решил сам не копаться. Руководствуясь принципом: со стороны видней, он решил привлечь постороннего. Тщательнейшим образом отбирая кандидатуры, Медик остановился на наилучшей, то есть на мне – Татьяне Ивановой.

Надо отметить, что немаловажную роль в его выборе сыграл мой пол. Медик считал, что будет удобнее всего, если я войду в их круг не как детектив или партнер по бизнесу, а как молодая обворожительная женщина, лучше всего просто его любовница.

– Для пользы дела нам придется немного пофлиртовать, но я обещаю вести себя по-джентльменски, – нагло заявил он.

– Со мной по-другому просто не получится, – уверенно парировала я.

– Не сомневаюсь... – многозначительно протянул в ответ двуличный типчик. – Завтра у нас выезд на пикник, – уже деловым тоном продолжил он, – расслабуха, организовали ее, чтобы развлечь босса. Надеемся отвлечь его от мрачных мыслей. Поедем вместе, там будут все особо приближенные. Не стану давать никаких комментариев, сами свежим взглядом оцените. Кстати, предлагаю перейти на «ты», ведь нам предстоит изображать людей довольно близких, к тому же, как вы наверняка и сами знаете, в нашей среде «вы» звучит крайне редко и вызывает совсем ненужное раздражение.

– Об этом можно было даже не говорить.

– Я был уверен, что ты так ответишь. До завтра, – как-то расстроено ответил он.

Очень странный «товарищ». Совершенно непонятно, что его задело. А что, собственно говоря, он хотел бы услышать? Нет, так не пойдет – мне нет абсолютно никакого дела до его пожеланий, на меня повешена недюжинная работенка. Нагрузил он меня по полной программе, выше крыши...

* * *

Существовала и другая версия происшедшего 20 мая в университетском городке, с которой мне, к сожалению, довелось познакомиться лишь неделю спустя.

Неподалеку от места трагедии, за толстым раскидистым деревом притаился робкий парнишка. Он заворуженно следил за миловидной девушкой, несомненной претенденткой на призовое место в любом из конкурсов красоты. Казалось – зрочки наблюдателя были расширены настолько, что полностью закрывали радужку. В черной глубине этих обсидиановых горошин скрывалось восхищение.

Парнишка видел, как Алина порхала по ступенькам университетской лестницы и улыбалась, радуясь весеннему солнечному дню. Легкий теплый ветерок ласкал ее юное лицо, пушил длинные густые волосы. Девушка была несомненно красива и к тому же безукоризненно сложена. Она привлекала внимание многих прохожих, особенно мужчин. У тех, кого успевал коснуться мягкий, чуть озорной взгляд ее лучистых ультрамариновых глаз, повышалось настроение. Было заметно – некоторые представители сильного пола совсем не прочь познакомиться с очаровательным созданием поближе.

Девушке оставалась всего лишь одна, последняя ступенька, один маленький прыжок – и она легко приподнялась над землей...

В тот роковой миг в однообразный гомон городского дня вмешался гулкий хлопок, слишком резкий, слишком громкий, он заставил людей непроизвольно вздрогнуть и пугливо оглянуться вокруг.

Наблюдавший за Алиной быстро моргнул и, когда глаза его снова открылись, искренне изумился – зрение вдруг изменило ему. То, что он увидел, отдаленно напоминало старое немое кино: перед ним, словно кадры черно-белого фильма, мелькали картинки как бы в негативном изображении. Такое восприятие делало мир, мягко говоря, непривлекательным, только Алина, несмотря ни на что, была прекрасна.

Но вот девушка как-то неестественно дернулась, будто от сильного удара в грудь, нанесенного невидимой рукой, и, обмякнув, упала вниз.

Лица остальных героев странного фильма исказили ужасные гримасы. Две крупные фигуры, подхватив под руки третью, рухнувшую на землю одновременно с Алиной, бросились к подъехавшему лимузину. Тут же наблюдатель увидел, как на асфальте рядом с Алиной стало быстро расти ярко-алое пятно. Именно этот резавший глаза красный цвет вернул слух свидетелю трагедии.

– Она мертва! Она мертва! – истерично завизжала пожилая дама, ближе всех находившаяся к девушке.

Этот крик буквально приковал взгляд наблюдателя к мертвой Алине. Парнишка внезапно ощутил, как горькое осознание невосполнимой утраты вошло в него. Ему стало тяжело дышать, и в груди больно зануло – жестокая правда заключалась в том, что он никогда больше не увидит ее лучистых глаз, не услышит по-детски озорного смеха...

В следующее мгновение парнишку начала бить мелкая дрожь, а горло стальным кольцом сжала тошнотворная волна. Внутри его неожиданно появились сразу несколько незнакомых ему ранее чувств: боль, гнев, досада.

До этого момента в его жизни все складывалось на редкость благополучно. Ему были неведомы раздражение, неприязнь, злоба, ненависть. Поэтому он оказался совершенно не

готов к захлестнувшему его потоку дикой, слепой ярости, возникшей от осознания своей абсолютной беспомощности, неспособности изменить случившееся.

Парнишке нестерпимо захотелось закричать, очень громко, оглушительно. Ему показалось, что так он сможет избавиться от новых неприятных, чуждых ему ощущений. Инстинктивно он плотно сомкнул веки, раскрыл рот, готовясь выплеснуть наружу черную обиду на несправедливый мир.

Однако неожиданно возникшая подсознательная догадка заставила его снова сжать губы и широко распахнуть глаза. Взгляд быстро и уверенно побежал к нужной точке – темному проему окна. Теперь он, невольно наблюдавший эту страшную смерть, точно знал, как и почему погибла Алина. Большое расстояние не помешало ему увидеть и навсегда запечатлеть в памяти каждую черточку ненавистных лиц...

Гнев обрел вполне определенную направленность, желание источать его на всех подряд тут же пропало. Парнишке удалось укротить свою ярость и спрятать ее в глубине некогда свободной от черных чувств души.

За считанные минуты взгляд наблюдателя превратился из нежного в колючий, полный недоверия. Пережитое горе наделило его способностью бороться с любым, пусть даже очень опасным, очень сильным противником...

Глава 2

У босса Медика, конечно же, были веские основания полагать, что объектом нападения был именно он, а не какая-то там смазливая девчонка, к счастью, прикрывшая его собой.

И действительно, кому это могло понадобиться убивать ее таким нелепым образом: если уж она кому-то насолила, то логичней было бы, если бы с эдакой красоткой сначала позабавились, прежде чем умертвить. Кто же из мужиков упустит такой шанс получить массу удовольствия? По логике вещей получалось, что трупом должен был бы стать в тот день босс Медика, а не юная прелестница.

Ситуация осложнялась тем, что босс все сильнее нервничал, хотя никаких видимых причин для этого не было, и требовал быстрее завершения расследования.

Правда, стоит отметить, что это происшествие, по существу, было первым настоящим покушением на его жизнь. И раньше в адрес босса Медика летело несчетное число всевозможных проклятий и угроз, но до реализации их дело никогда не доходило.

Теперь, когда пуля просвистела рядом, опав на его холодным ветерком смерти, ему вдруг стало страшно, очень страшно. Нервы босса были на пределе. Как сообщил Медик, он стал невыносим: выплескивал раздражение на подчиненных, срывал зло на близких. Безосновательно сетуя на некомпетентность охранной службы в целом и каждого бойца в частности, босс решительно настаивал на значительном усилении мер предосторожности.

Короче, бедняга не мог уже думать ни о чем, кроме как о своей драгоценной шкуре. Все дела при этом он скинул на плечи помощников и замов, а сам сидел, забившись в какой-нибудь дальний угол шикарных апартаментов, и тупо, не отрываясь, пялился на какой-нибудь предмет из своей богатейшей коллекции антиквариата. Его нынешний психологический настрой чертовски напоминал состояние загнанного зайца, притаившегося в редких кустах, окруженных со всех сторон оглушительно рявкающими и нетерпеливо брызгающими слюной гончими – косой замирает, парализованный ужасом, глаза его лезут из орбит, а крошечное сердечко стучит так сильно и так часто, что в любую минуту может разорваться на части.

Именно поэтому и оказалась столь высока сумма предложенного мне гонорара: и босс, и все его ближайшее окружение, включая Медика, были «кровно» заинтересованы в скорейшей стабилизации положения. Мне такая ставка очень понравилась, я грешным делом подумала: уж не перевести ли этот тариф из исключения в правило? Но нет, таким образом я бы только проиграла: значительное сокращение числа клиентов, – мало кто обладает подобным уровнем платежеспособности – в конечном итоге привело бы к резкому падению моих доходов.

* * *

Итак, срочно необходимо было «разложить все по полочкам», этим я и занялась: «Наиболее часто встречающимися мотивами заказных убийств в мафиозной среде являются:

1. Конкурентная борьба между криминальными структурами за территории и рынки сбыта.
2. Смещение кем-либо из своих, то есть освобождение «места» для нового хозяина.
3. Месть, может быть, даже старые счеты».

Был, правда, еще один вариант, но настолько маловероятный, что я смело его отбросила...

Итак, первый пункт отпал сразу – Медик считал, что сам его отлично отработал. Второй он «любезно» предложил рассмотреть мне.

Тогда мне представлялось, что Медик близок к истине. Его версия выглядела наиболее правдоподобной – убийцу надо было искать внутри их собственной организации. Черная зависть и непомерные амбиции подчас толкают людей на любые гнусности и преступления.

Наиболее опасны тихие, незаметные завистники, снедаемые изнутри навязчивыми вопросами: «Почему не я? Что он делает на том месте, которое должен занимать я? Чем он лучше меня?» – и так далее и тому подобное... Они не в состоянии смириться со вторыми ролями и поэтому начинают строить коварные планы, вынашивая их иногда годами, тщательно обдумывая каждую деталь. Результаты подобной деятельности красноречиво говорят сами за себя – неожиданно многообещающий друг-начальник вылетает из своего кресла, внезапно распадается, казалось бы, благополучная семья старого приятеля, ни с того ни с сего рвутся многолетние взаимовыгодные деловые связи. Вокруг лишь недоуменно разводят руками – как же так, ведь до сего момента все складывалось на редкость удачно. А завистник втайне удовлетворенно потирает руки, в то же время очень убедительно сочувствуя пострадавшим «друзьям». Находясь во власти черной зависти, он прячет совесть в дальний ящик и с легкостью забывает о чести и порядочности, дружбе и любви.

Передо мной стояла довольно сложная задача – я должна была разглядеть того, кто умело скрывал от своих, скажем так, соратников истинные намерения. В общем – найти «паршивую овцу» в стаде. Нет, скорее «паршивого волка», затесавшегося в стаю.

* * *

Сперва я решила побывать на месте преступления. Хотя времени прошло довольно много – три недели, все же нельзя было пренебрегать возможностью отыскать что-либо интересное. Я должна заметить то, что показалось неважным и потому отброшено другими. Ведь часто пропускают мелочи, с помощью которых можно найти ниточки, способные неумолимо привести к раскрытию чужих тайн.

* * *

Восьмой корпус университета примыкал к третьему, но в отличие от него был современной постройкой начала семидесятых годов. Фасад здания был выполнен из огромных застекленных металлических конструкций. Сквозь эти гигантские окна были хорошо видны пролеты лестниц, ведущих с одного этажа на другой.

Ко входу в корпус вела невысокая, состоявшая буквально из десяти-пятнадцати ступеней балюстрада, в основании которой неясно вырисовывались контуры зашарканного темно-коричневого пятна. Кровь девушки, впитавшаяся в известняк, напомнила мне о сути расследуемого преступления – бессмысленном трагическом убийстве студентки-первокурсницы. «Лишь осенние дожди и зимние снега окончательно уничтожат следы этого позорного знака человеческой жестокости», – подумала я.

Наискосок от университетского корпуса, принадлежавшего физикам, располагался корпус мединститута. За окном одной из аудиторий именно этого здания притаились двадцатого мая убийцы. Стреляли с третьего этажа – расстояние получалось приличное.

Мне необходимо было осмотреть помещение, из которого был сделан выстрел, поэтому я решительно вошла в вестибюль мединститута. Хотя был разгар лета, бдительная вахтерша восседала на своем обычном месте. Обезоруживающе улыбнувшись и поздоровавшись, я попросила:

- Дайте, пожалуйста, посмотреть тетрадку с квартирами.
- Пожалуйста.

Хорошим предлогом для завязки разговора послужило нововведение, согласно которому на вахтах почти всех тарасовских вузов хранятся тетради, в которые желающие могут вписать свои предложения о сдаче жилья внаем. Теперь студентам не надо бегать от столба к столбу в поисках объявлений такого характера, а у меня есть прекрасный повод для «задушевной» беседы.

Вахтерша безропотно протянула мне общую тетрадь в синей обложке. Я сделала вид, что внимательно ее изучаю.

– Такая жара, да и сессия уже к концу подходит... Вы, наверное, отпуска ждете не дожидаетесь, – посочувствовала я пожилой грузной вахтерше.

– Конечно, жду. Меня с первого должны были отпустить. Но у нас тут месяц назад такое было!..

Я подняла глаза от тетрадки и, изображая дикую заинтересованность, уставилась на вахтершу, которая с удовольствием продолжила:

– Студентку одну убили, может, слышали? – Я отрицательно мотнула головой. – Из этого корпуса, между прочим, стреляли. А в крыле том ремонт как раз был. Меня замучила милиция: кто приходил, зачем приходил... А ведь разве упомнишь – мастера-маляры, как муравьи, туда-сюда сновали, студенты перед сессией как сумасшедшие гонялись, – жаловалась мне пожилая женщина.

– Вот это да! – деланно изумилась я. – Никогда не видела места преступления. Ой, а можно посмотреть?

– Да там ничего интересного, просто только что отремонтированная аудитория. Даже эксперты проверяли – говорят, ничегошеньки не нашли.

– Все равно интересно. Пожалуйста, разрешите, – канючила я.

– Ну, ладно, беги. Комната номер 85.

– Спасибоочки, я быстро.

Я поднялась на третий этаж и свернула в левое крыло. Там полным ходом шел ремонт, но несколько аудиторий были уже готовы. Одна из них и была мне нужна.

В комнате было три окна. Из первого помеченное кровавым пятном место увидеть было нельзя, мешали сучья большого раскидистого клена. Из третьего окна был прекрасный обзор, но и с улицы несложно было бы заметить тех, кто там стоял. А вот второе, слегка прикрытое редкими зелеными веточками, было, пожалуй, наиболее удобным для совершения подобного рода преступления.

Я тщательно осмотрела оконные рамы и подоконник, но никаких подозрительных следов на свежей краске обнаружить не удалось. На полу что-либо искать было уже бессмысленно. Еще раз окинула взглядом все вокруг – безнадежно.

Потом направилась к выходу и, чтобы открыть захлопнутую сквозняком дверь, просунула пальцы в петлю ручки, но тут же, словно обжегшись, выдернула их обратно. Затем склонилась над ручкой и оглядела ее со всех сторон. Мое внимание привлек узорчатый отпечаток, оставленный на густке слегка подветрившейся, но не просохшей окончательно на момент совершения преступления краски. Присмотревшись, я поняла, что среди завитков был спрятан вензель «Я».

«Может быть, след от печатки, – обрадовалась я. – Хотя этот след мог оставить кто угодно, то есть человек, не имевший абсолютно никакого отношения к убийству». На всякий случай, зарисовав в памяти сложный узор, я вернулась к доброй вахтерше.

– Да, вы правы, ничего интересного. Но все же большое вам спасибо.

– Я же говорила. Тетрадку-то больше смотреть не будешь?

– Ой, чуть не забыла, обязательно буду. Мне же квартира нужна, – спохватилась я и достала из сумочки блокнот.

С деловым видом я выписала несколько адресов и радостно сообщила:

- Пойду звонить, может, сразу повезет – найду дешевую и удобную.
- Ну счастливо... А ты наша студентка-то? – бросила она мне вдогонку.
- Нет, я к вам только за адресами, я из педа.
- Будущая учительша, значит?
- Да! – крикнула я уже от двери и помахала новой знакомой рукой.

«Скудный улов, почти ничего. На этот раз место преступления чисто, словно только что выпавший снег. Аккуратно сработали, ловкие черти, – мысленно посетовала я, – ни одной улики не оставили».

* * *

Для стимуляции мыслительного процесса мне был необходим крепкий кофе или хорошая сигарета. Вернувшись домой, я сразу отправилась на кухню. Через десять минут уже сидела, поджав ноги, на диване и, щуря от удовольствия глаза, отхлебывала мелкими глоточками из керамической чашки обжигающе горячий бразильский напиток. Допивая последнее, я уже знала, что сделаю безотлагательно в следующую минуту. Сейчас мне был нужен не кто иной, как подполковник милиции Кирсанов, мой старый институтский приятель и нынешний незаменимый помощник. На звонок трубку тут же подняли:

- Да, – раздраженно прорычал телефон Володькиным голосом.
- Привет, Киря, ты не в духе. Есть проблемы? – заботливо спросила я.
- Проблемы есть всегда и у всех, Танечка, – тон стал значительно мягче.
- Но иногда их оказывается умопомрачительно много, – продолжила я философскую игру.
- Уж не про себя ли ты, Ведьмочка? – Кире не надо было долго втолковывать, что к чему. Вот за это я его и люблю в том числе, разумеется.
- Володя, помоги встретиться с одним следователем из угрозыска.
- С кем?
- С Петровым, очень надо. Ты его лично знаешь?
- Да. Но он подал рапорт об увольнении, дорабатывает последний месяц.
- Даже так? Что стряслось?
- Съели, с потрохами сожрали – халтурить не хотел. Все как липатовский Анискин работать старался.
- Как думаешь, мне самой к нему лучше подойти или ты предварительно поговоришь с ним обо мне?
- Думаю, сначала лучше я поговорю. Жди звонка.

* * *

При нашей встрече Медик сообщил мне, что менты-осведомители держали его в курсе официального расследования, которое вел старший лейтенант Александр Александрович Петров. Однако лейтенант не продвинулся дальше протоколов свидетельских показаний, у него даже подозреваемого не было. И все же мне надо было поговорить с Петровым. В отделе его считали хроническим неудачником, но при этом не отрицали в нем профессионального чутья и аналитических способностей.

Я знала, что разговор с Петровым будет тяжелым. Если этот честный малый не отразил в официальных бумагах какой-то значительный факт, то его могли заставить сделать это лишь чрезвычайные обстоятельства. «Не исполнить служебный долг максималист типа Сан Саныча мог только из гуманных соображений. Поэтому убедить его поделиться жизненно важной информацией будет совсем непросто, тем более с частным детективом, зарабатывающим

на чужом горе большие деньги. Даже если Киря отрекомендует меня как исключительнейшего человека, вряд ли это увеличит мои шансы на успех», – столь неутешителен был мой прогноз.

Вскоре Кирсанов перезвонил:

– Как настроение, Танечка? Еще не улучшилось?

Судя по бодрым интонациям, меня ждали хорошие новости. Но я не стала торопиться, ответила сдержанно:

– Пока нет.

– Что так? – засмеялся он, продолжая манежить меня.

– Володя, неудачное время для шуток, – пришлось усюветить его, и он тут же перешел на деловой тон:

– У меня две новости, хорошая и плохая, и обе тесно переплетены. Во-первых, Петров встретится с тобой. Во-вторых, ваш диалог вряд ли получится конструктивным. Он ярый противник того, чтобы частные сыщики занимались расследованием тяжких преступлений, таких, например, как убийства. Я сделал все, что мог, результат зависит только от тебя. Ни пуха ни пера, Танечка!

– К черту, Киря!

* * *

Сначала я хотела пригласить Петрова в приличное кафе, за свой счет разумеется, но потом решила не дразнить болезненное самолюбие почти нищего российского мента, к тому же отягощенного бременем принципиальности. Поэтому, смешно вспомнить, встретились мы с Сан Санычем в скверике напротив университета. Давненько я не обсуждала деловых вопросов, сидя на лавочке, можно сказать, в студенческо-скверных условиях.

Сан Саныч встретил меня настороженно:

– Я вас внимательно слушаю, Татьяна Александровна.

– Я хотела бы поговорить о вашем последнем деле. Об убийстве девушки.

– Что конкретно вас интересует?

– Абсолютно все – это очень важно, поверьте.

– Вы, конечно, понимаете, что, если бы не рекомендация Володи Кирсанова, наш разговор не состоялся бы. Вам подойдет короткий архивный вариант или хотите подробного описания моих действий?

– Очень подробно, все до мелочей, желательно даже ваши мысли и предположения.

– Хорошо, – покорно согласился он. – Может, вы сумеете отыскать и заслуженно наказать убийцу, хотя внешне вы мало похожи на того человека, каким я представил вас после беседы с Володей.

Его негромкий, лишенный эмоциональных оттенков голос немного убаюкивал меня, но я запомнила все до последнего слова. Профессиональная необходимость.

* * *

После того как были опрошены свидетели происшествия и тщательно осмотрено место преступления, дело предстало перед Петровым в очень туманном свете: никаких реальных улик, кроме пули в груди девушки, преступники не оставили. Среди очевидцев не нашлось даже никого, кто видел бы больше, чем неожиданное падение девушки на землю. Даже тот парнишка, что оказался вблизи места покушения и видел, как падала Алина, смотрел на него страдающими глазами и угрюмо молчал.

«Единственная надежда найти преступника – определить мотив, точнее того, кто был бы заинтересован в смерти Алины. Кому могла быть выгодна ее гибель? – размышлял Сан Саныч,

сидя за рабочим столом. – Метод только один – откровенная, доверительная беседа с друзьями, приятелями, близкими. Родителей пока трогать не буду – пусть немного оправятся от потрясения. Да и вряд ли они помогут: простые служащие, рядовые добропорядочные граждане – смертельных врагов у них быть не могло. А о личной жизни самой девушки гораздо больше знают сверстники и вездесущие старушки, „дежурящие“ у подъездов. Итак, сначала в университет».

* * *

Сан Саныч зашел в аудиторию сразу после звонка, вся группа была в сборе.

– Добрый день, молодые люди. Я старший лейтенант Александр Александрович Петров из уголовного розыска. Вы все наверняка уже знаете, что вчера днем выстрелом в грудь была убита ваша сокурсница. Что вы можете сообщить об этом происшествии? Кто-нибудь готов поделиться своими наблюдениями?

Студенты дружно молчали, за всех ответил один:

– Никто из нас на месте преступления не был. Мы слушали лекцию по матанализу.

– Может, кто-то знает, почему Алина пропустила занятие?

Ребята отрицательно замотали головами. Причина, по которой девушка не пошла на занятие, осталась невыясненной.

– Значит, ничего конкретного о совершенном преступлении вы не знаете. Тогда давайте поговорим о самой Алине. Что вы можете сказать о ней, о ее взаимоотношениях со сверстниками?

Молодые люди оживились и в один голос, не стесняясь друг друга, принялись хвалить сокурсницу. Особой активностью выделялась четверка студентов: приятной наружности светловолосый здоровяк в обтягивающей футболке, как бы невзначай игравший мышцами и провоцировавший восторженное свечение глаз яркой, модно одетой говорушки (тоже знавшей себе цену), тонкокостный, смахивающий на подростка еврейчик с острым крючкообразным носом и цепким взглядом, а также пухлый, внушительных габаритов обладатель больших темно-карих глаз, доверчивых и подкупающих, как у телят или щенков.

– В нее полгруппы влюблено было, еще бы – и красивая, и умная. А у нас вообще девочек мало, специальность сложная, для мужских мозгов, – откровенничал голубоглазый блондин. – Она ни с кем не встречалась, никого не выделяла – со всеми ровные дружеские отношения. Мы с ребятами даже не пытались тягаться, бесполезно, дохлый номер, ее внимание обычными штучками привлечь невозможно. Все знали – она особенная... была, – грустно добавил он и опустил голову.

– Значит, она пользовалась успехом, – сделал вывод Сан Саныч. – Ей, наверное, завидовали остальные девочки?

– Ну кто мог ей позавидовать? Всем хорошо известно: семья малообеспеченная, она, кроме учебы, еще подрабатывала. «Рабочая лошадка», одним словом, – чему завидовать? Ни перед кем красотой своей не кичилась, одевалась просто, как говорится – во что позволит кошелек, – горячо высказывалась староста, девица с неординарной внешностью и бойким характером.

– А с кем она была ближе других?

– Из преподавателей ее лучше всех наш Владимир Сергеевич знал, он же руководитель курсового проекта. Говорят, ее курсовая уже на диплом тянула, – вставил тощий очкарик.

– Как я понял, врагов у нее не было, ну а, скажем так, недоброжелатели? – Следователь снова вернулся к тому, с чего начал, но уже с другой стороны.

– Недоброжелатели?! Нет, неоткуда им было взяться – неконфликтный Алинка человек, в помощи никому не отказывала, сама отзывчивость. Жаль, что ее больше нет... – Уголки губ толстяка опустились, словно у обиженного ребенка.

Среди этого потока посмертной хвалы как-то особенно резко прозвучало высказывание неказистого паренька.

– В тихом омуте черти водятся, – обронил он и тут же, спохватившись, добавил: – Нет, я не хочу сказать, что она была плохая, просто уж больно все гладко по-вашему. Так в жизни не бывает, наверняка кому-то она не нравилась...

Сан Саныч имел богатый опыт общения с людьми, в его кабинете перебивало столько народу, что ими можно было бы населить небольшой городок. И сейчас ему было абсолютно ясно, что останься он с любым из этих ребят наедине, ничего нового не услышит. Они показались ему искренними, но кто может заглянуть в душу другого человека? «Чужая душа – потемки», – гласит народная мудрость. Любой из них мог лгать...

«Научным руководителем этой группы был Владимир Сергеевич Видов, опытный педагог, курировавший студентов почти целый год. Может быть, он сумеет прояснить ситуацию, больше рассказать об Алине, ведь, как я понял, у них были близкие, доверительные отношения. Возможно, она была с ним откровенна...» – предположил Сан Саныч.

* * *

Лаборатория Видова считалась одной из лучших в университете. Она занимала чистое светлое помещение, оборудование в ней было если не самым современным, то и не допотопным. Был здесь и неплохой персональный компьютер, его Петров заметил сразу.

– Добрый день, Владимир Сергеевич.

– Здравствуй, чему обязан? – недоумевающе глянул на него пожилой интеллигент.

– Старший лейтенант милиции Петров. Я к вам по поводу вашей ученицы Алины, трагически погибшей вчера.

– Ах, да, конечно... – Лицо профессора выражало глубочайшую скорбь.

– Мне сказали, что она была талантливейшей студенткой и вы уделяли ей больше внимания, чем остальным. Это так?

Владимир Сергеевич несколько раз кивнул в знак согласия и заговорил о погибшей вдохновенно, взволнованно, так, словно речь шла об утраченном произведении искусства, шедевре, потерянном навсегда:

– Талантливейшая?! Это слишком далеко от истины – гениальная, вот это лучше! О таких учениках мечтают как о великом чуде. Я должен был бы на старости лет писать мемуары о том, как посчастливилось мне быть наставником ученого мирового масштаба... Нет ничего хуже, чем столкнуться с внезапной смертью столь замечательной юной особы. Чудесная была девочка! Какое горе для ее родителей...

Звук открывающейся двери заставил ученого отвлечься и повернуть голову:

– Сема, проходи. Ты выполнил задание – прекрасно. Подожди меня, я скоро освобожусь, можешь пока поиграть, воспользуйся, пожалуйста, наушниками... Извините, нас прервали. Это сын моих хороших знакомых, – как будто оправдываясь, продолжил Владимир Сергеевич, – кстати говоря, тоже талантливый, подающий надежды мальчик, занимаюсь с ним с удовольствием. А ведь они с Алиной познакомились у меня в лаборатории и стали хорошими друзьями. Мальчик тяжело переживает ее гибель, сам не свой...

– Владимир Сергеевич, а насколько благополучными были ее взаимоотношения с сокурсниками, ведь часто особо одаренные дети не ладят со сверстниками.

– В данном случае не могу согласиться с подобным утверждением, к Алине его никак отнести нельзя.

– Тогда, может быть, вы знаете кого-то, относившегося к девушке не так хорошо, как остальные?

– Нет, не могу указать человека, желавшего ей зла. Испытывать по отношению к ней неприязнь – значит, ненавидеть небо, солнце... саму жизнь. Она была абсолютно безвредна, бескорыстно дарила тепло своей души всем нуждавшимся в ее внимании. Чтобы сознательно убить ее, нужно быть отпетым злодеем, исчадием ада, можно сказать... Я таких людей не знаю. К несчастью, ничем не могу помочь...

* * *

«Плохо, пока полезной информации ноль». Сан Саныч направлялся к дому, где еще неделю назад жила симпатичная жизнерадостная девушка. Путь лежал через типичный жилой массив, состоявший из пяти-девятиэтажек, построенных пятнадцать-двадцать лет назад. Он неторопливо шел, тщательно обдумывая вопросы, которые предстояло задать соседям. Случай относился к разряду сложных. Нужно было выудить хоть какой-нибудь факт из жизни девушки, на основании которого прорисовалась бы версия случившегося. В университете он потерпел неудачу, не хотелось, чтобы это повторилось снова. Ломая голову над трудноразрешимой задачей, Петров не заметил, как очутился в нужном дворе.

Подъездные бабульки заявили, что ничего плохого за Алиной не водилось, что девочка, по их мнению, была порядочная, добросовестная, старших уважала. Вскоре выстроилась целая очередь желавших высказаться. Казалось, им не будет конца. «Черт, – подумал он, – ну и активный у нас народ, только проку от этого ни на грамм: долдонят одно и то же». Но вот наконец очередь стала рассасываться, и Сан Саныч собрался уходить. Резюме двухчасовой беседы было кратким: «В парочащих связях замечена не была».

Однако еще минут на пять задержала его неожиданно вынырнувшая из Алининого подъезда колоритная парочка: высокий брюнет с лицом и телосложением древнегреческого бога и среднего роста девушка, одетая, пожалуй, слишком откровенно. Хотя надо признать, именно это обстоятельство и сообщало ее внешнему облику ту «изюминку», которая делает женщину привлекательной.

Брюнет, вне всякого сомнения, был очень хорош собой, и все же что-то корбило Сан Саныча, долго разговаривать с этим парнем не хотелось. В противовес крупным, красиво очерченным, но бездонно-пустым глазам брюнета, небольшого размера глазки его сексапильной подружки жили активной, бурной жизнью, в них плясал некий бесовский огонек. Столкнувшись с девушкой взглядом, Сан Саныч не выдержал и первым отвел глаза, даже мурашки по спине побежали. Определенно в ней заложена прочная основа, сокрыт нескгибаемый стальной стерженек. Она внушала если не симпатию, то уважение.

Пара утверждала, что хорошо знала убитую, жили рядом, почти дружили, более приятной и миролюбивой девчонки, по их мнению, в округе не было.

– Класс – девчонка, все при ней: и внешность, и характер – что надо! – сообщил парень. – Правда, Витка?

– Однозначно, – поддакнула девчонка.

– И все же, может быть, она с кем-то конфликтовала? – не отступал Петров.

Парочка переглянулась и искренне изумилась:

– Она конфликтовала? Да что вы, у нее все в друзьях были, всех понимала, всех оправдывала, миротворцем по жизни была. Ее все слушались, почитали... Никто ее врагов не называет – их просто не было у нее!

* * *

«Итак, что я имею на данный момент? – приблизительно так рассуждал Петров, меряя кабинет строевым шагом. – Среди возможных мотивов преступления можно выделить три основные группы:

1. Молодежные разборки.
2. Заказное убийство.
3. Случайное попадание.

Первый пункт, пожалуй, можно подразделить на два:

а) Конкуренция среди девочек. Хотя обычно отношения между современными девицами выясняются куда проще – мордобоем, иногда очень жестоким, с увечьями, но все же избие-нием, а не убиением.

б) Месть за что-либо. Например, со стороны отвергнутого ухажера. Но и тут даже самые злобные выбирают другой путь – изнасилование, чаще групповое. Сколачивают бандочку из недовольных и расправляются с несговорчивой девчонкой.

Однако, как удалось установить в ходе предварительного следствия, врагов у нее не было и ссор тоже. Я опросил множество людей, и все в один голос утверждали, что девушка была исключительно положительная: ни в каких конфликтах не участвовала.

К тому же преступники использовали огнестрельное оружие, следовательно, происше-ствие больше похоже на заказное убийство. Тут тоже просматриваются два основных варианта:

а) девушка кому-то мешала, например, обладала какой-то важной секретной информа-цией;

б) месть, выразившаяся, допустим, в уничтожении дорогого кому-то человека.

Ну, второе, пожалуй, сразу можно отбросить. Она родилась и выросла в самой что ни на есть обычной семье: ни богатством, ни положением в обществе ее родители не выделялись из среды среднестатистических граждан. Крутого жениха у нее тоже не было, вообще не было никакого.

Подпункт «а» в принципе возможен – случайно что-либо увидела или услышала, хотя, судя по ее образу жизни, это маловероятно. И потом, в этом случае со стороны убийц разум-ней было бы завуалировать преступление, сработать под маньяка-насильника или подстроить самоубийство, подкараулить поздним вечером, увезти куда-нибудь подальше, убить, закопать в лесу, и она числилась бы пропавшей без вести... Впрочем, в этом направлении все же надо будет еще потрудиться.

Третий пункт, случайное попадание, выглядит наиболее правдоподобным и тоже распа-дается на два подпункта:

а) бесцельный выстрел;

б) промах – и пуля в груди случайной прохожей.

Действительно, нагло, среди бела дня убить такую девушку – все равно, что выстрелить в воробья. Скорее всего палили куда попало. А может, даже развлекались охотой на живого человека?

Возможно, это наркоманы – обкурились, нанюхались, обкололись, а тут под рукой ока-зался пистолет, вот и выпустили на волю шальную пулю. Вряд ли, наркоманы должны были бы наследить, они плохо соображают и делают ошибки, много ошибок. А здесь на месте преступ-ления чисто, и никто ничего не видел, будто стрелял невидимка.

И потом наркоманы не могли крутиться в ремонтируемом корпусе, если бы они там появились, то непременно привлекли бы к себе внимание. Там все время велись работы, лишь девятнадцатого мая бригаду срочно перебросили на другой объект, и то всего на два дня. Люби-тели наркоты выбирают заброшенные дома, глухие районы, предпочитают «не светиться».

Головоломка не складывается, для забавы такое место не подходит. Здесь просматривается продуманность, спланированность действий. В аудитории, из которой, как предполагается, стреляли, на только что выкрашенных окнах ни одного отпечатка, ни одной вмятинки не осталось. Преступник был в здравом уме, твердой памяти и уверенно стоял на ногах. Расстояние огромное – выстрел прямо в сердце, мгновенная смерть. И все-таки чем черт не шутит? Версию с наркоманами тоже следует отработать – еще раз побеседую с вахтершей из мединститута, вдруг что-нибудь вспомнит».

* * *

День был хмурым. Сан Саныч стоял у окна и обдумывал полученную из лаборатории информацию. Эксперты считали, что это убийство очень походило на работу профессионала. Без улики, без свидетелей обычно убивали воротил городского или хотя бы районного уровня.

При анализе результатов экспертизы мелькнула мысль: профи тоже промахиваются, они, как и все мы, не застрахованы от ошибок и случайностей. Да и практика подсказывала: иногда покушались несколько раз, а пуля так и не достигала цели...

Исходя из этих рассуждений, Петров сделал следующий вывод: стреляли не в девушку, порция свинца предназначалась кому-то другому. Там определенно должен был быть кто-то еще, какая-то солидная, важная персона. Именно она была целью, а в девушку попали случайно.

Если бы ему удалось добраться до «настоящей мишени», это помогло бы распутать «хитрый клубок». Тогда точно появился бы круг подозреваемых. При условии, что важная персона захотела бы сотрудничать... Однако он прекрасно сознавал, что у крутых мафиози есть своя система безопасности, они вполне могли послать его куда подальше.

Петров решил прокрутить этот вариант, несмотря на нехорошее предчувствие, которое говорило ему: подобное дело – верный висяк. Он снова встретился со всеми свидетелями, надеясь на то, что кто-нибудь из них припомнит солидного господина.

* * *

Убирая в сейф папку с делом Алины, Петров знал, что вряд ли когда-нибудь откроет ее снова. Как он и ожидал: полный провал – свидетели утверждали, что не заметили никого, кто мог бы быть объектом покушения. Впрочем, вероятнее всего, кого-то все же видели, но молчали. Люди, наученные горьким опытом, понимали – лучше не высываться, а то можно и схлопотать.

Петров не винил их, они по-своему были правы: наша гнилая система не способна более простые вещи организовать, не то что программу защиты свидетелей. Конечно, у нас не Америка. Хотя справедливости ради надо признать, что и их совершенная, казалось бы, грандиозная правоохранительная машина иногда дает сбои...

* * *

12 июня в 11 часов утра (как раз тогда, когда я вела «милую беседу» с Медиком) Петров стоял в кабинете начальника угрозыска, и чем дальше он говорил, тем сильнее сдвигались густые брови майора. Сан Саныч знал: как только он закончит доклад, над его головой пронесется настоящий словесный ураган двенадцатибалльной силы – майор разразится потоком отборной матерной брани, сутью которой будет следующее: более бестолкового и бездарного сотрудника у него еще не было, пришел предел долготерпению – Сан Санычу лучше самому

подать рапорт об увольнении, не то его выставят из органов с формулировкой «служебное несоответствие». Он не ошибся: далее все именно так и произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.